

Дж. Остин

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Образцы смысла

- 1.1. Что-есть-значение (слова) «крыса»?
- 1.11. Что-есть-значение (слова) «слово»?
- 1.21. Что такое «крыса»?
- 1.211. Что такое «слово»?
- 1.22. Что такое «морда» крысы?
- 2.1. Что-есть-значение (фразы) «Что-есть-значение?»?
- 2.11. Что-есть-значение (предложения) «Что-есть-значение (слова) «X»?»?

Образцы бессмыслицы

- 1.1. Что-есть-значение слова?
- 1.11. Что-есть-значение любого слова?
- 1.12. Что-есть-значение слова вообще?
- 1.21. Что такое значение-слова?

- 1.211. Что такое значение-(слова)-«крыса»?
- 1.22. Что такое «значение» слова?
- 1.221. Что такое «значение» (слова) «крыса»?
- 2.1. Что-есть-значение (фразы) «значение слова»?
- 2.11. Что-есть-значение (предложения) «Что есть значение (слова) «X»?»?
- 2.12. Что-есть-значение (предложения) «Что такое «значение слова» «X»?»?

I

Эта статья посвящена анализу фразы «значение слова». Она состоит из четырех частей, первая из которых мне представляется довольно банальной, зато вторая часть является крайне запутанной. Сначала я попытаюсь показать, что фраза «значение слова» является в общем опасной фразой-бессмыслицей. В двух других частях я в свою очередь рассмотрю два часто возникающих в философии вопроса, которые я нуждаюсь в новом и тщательном исследовании, если мы позволяем больше навязывать нам эту «удобную» фразу «значение слова».

Я хочу начать с некоторых замечаний по поводу «значения слова». Полагаю, что многие уже представили себе почти или хотя бы часть того, о чем я буду говорить. Но поскольку это нельзя отнести ко всем, то, подвергая порке новообращенных, я извиняюсь перед ними.

Одно предварительное замечание. Справедливо утверждается, что только *предложение* имеет значение. Правда, мы можем попросить «отыскать значение слова» в словаре. Тем не менее кажется, что смысл, в котором слово или фраза «имеют значение», произведен от смысла, в котором «имеют значения» предложения. Следовательно, сказать, что слово или фраза «имеют значение», значит сказать, что существуют предложения, в которых они содержатся, и эти предложения «имеют значение». Знать же значение, которое имеют слово или фраза, значит знать значения предложений, в которых они содержатся. И что может сделать словарь, когда мы «отыскиваем значение слова», это предложить помощь в понимании предложений, держащих данное слово. В исходном смысле то, что «имеет значение», является предложением. Предшествующие философы, обсуждавшие проблему «значения слова», были склонны допускать *специфические* ошибки, которых избежали более поздние философы, обсуждавшие, скорее, параллельную проблему «значения предложения». И если мы хотим сохранить бдительность по отношению к этим специфическим ошибкам, то должны подробно их рассмотреть.

Можно привести множество примеров предложений, содержащих фразу «значение слова является таким-то». «Он не знает или не понимает значения слова *пила*.» «Я объясню ему

чение слова *древко*» и так далее. Я прежде всего собираюсь рассмотреть общий вопрос: «Что есть значение *того-то*?», или «Что является значением слова *то-то*?»

Предположим, что в повседневной жизни меня спросили: «Что является значением слова *характерный*?» Я могу отреагировать двояко. Либо я отвечаю, пытаюсь *словами* описать то, чем является характерность, предлагая для этого примеры предложений, в которых используется слово *характерный*, а также примеры предложений, в которых данное слово не используется. Давайте назовем этот *вид* ответа «синтаксическим объяснением» слова «характерный» на данном языке. С другой стороны, я могу делать то, что можно назвать «демонстрацией семантики» слова, позволяя спросившему *представить* себе или даже реально *испытать* ситуации, корректно описываемые предложениями, содержащими слова «характерный», «характерность» и т. д., а также ситуации, для описания которых *не следует* использовать данные слова. Это, конечно, простой случай, но эти два *вида* процедур будут возможны по крайней мере для наиболее общеупотребительных слов. Если же я захочу выяснить, «понимает ли он значение слова *характерный*», то также должен действовать этими двумя способами, которые, вероятно, не могут быть отделены один от другого.

Получив предложенным выше способом ответы на вопросы типа: «Что является значением (слова) «крыса»?», «Что является значением (слова) «кошка»?», «Что является значением (слова) «циновка»?» и оставаясь философами, мы пытаемся задать следующий *общий* вопрос: «Что такое значение слова?» Однако в этом вопросе есть какой-то подлог. Мы не подразумеваем с его помощью вполне приемлемый вопрос «Что такое значение (слова) «слово»?», поскольку *этот* вопрос будет не более общим, чем вопрос о значении слова «крыса», и на него можно ответить сходным образом. Скорее, мы хотим спросить: «Что такое значение слова-вообще?» (или «любого слова»). Теперь, если мы на мгновение остановимся для того чтобы подумать, то обнаружим, что это совершенно абсурдный вопрос, чтобы пытаться на него отвечать. Я могу задавать только вопросы, имеющие форму: «Что такое значение «X»?», если «X» есть некоторое конкретное слово, о котором спрашивается. Наш предполагаемый общий вопрос в действительности является сомнительным вопросом — одним из тех, что часто возникают в философии. Мы можем называть это заблуждение спрашиванием «ничего-в-частности», которое обычно осуждается здравомыслящими людьми, но с некоторым самодовольством признается философами и называется ими «генерализацией». Можно привести множество примеров подобных заблуждений, в частности, со словом «реальность». Мы начинаем с обычного вопроса: «Как можно отличить реальную крысу от воображаемой крысы?», а заканчиваем вопросом: «Что такое реальная вещь?», который просто приводит к возникновению абсурда.

Ошибку в данном случае мы можем проиллюстрировать следующим образом. Вместо того чтобы спрашивать: «Что такое значение (слова) «крыса»?», мы можем спросить: «Что такое «крыса»?» и т. д. Но если наш вопрос будет поставлен в *этой* форме, то становится очень трудно сформулировать любые *общие* вопросы, интересующие нас в данный момент. Может быть, подойдет форма: «Что такое что-нибудь?» Немногие философы были настолько безрассудно храбры, чтобы отважиться задавать подобные вопросы. Поэтому мы не должны склоняться к тому, чтобы обобщать вопрос «Знает ли он значение (слова) «крыса»?» до вопроса «Знает ли он значение слова?», который становится просто нелепым.

Столкнувшись лицом к лицу с абсурдным вопросом «Что есть значение слова?» и, возможно, неясно признавая, что он и должен быть абсурдным, мы тем не менее не спешим махнуть на него рукой. Вместо этого нам следует тщательно изучить трансформации этого вопроса. До сих пор у нас спрашивали: «*Что-есть-значение* (слова) «крыса»?» и т. д., вплоть до «*Что-есть-значение* слова?» Сбитые с толку, мы изменим написание дефиса, чтобы спросить: «Что есть *значение-слова?*» или «Что такое «значение» слова?» (1. 22). Для краткости я только укажу другой вопрос (1.21). Легко видеть, насколько эти вопросы отличаются один от другого. Однако множество традиционных ответов типа: «понятие», «идея», «представление», «класс сходных ощущений» равно являются сомнительными ответами на псевдовопрос. Продвигаясь или, скорее, возвращаясь на несколько шагов назад, мы продолжим задавать вопросы типа: «Что есть значение-слова «крыса»?», который настолько же сомнителен, насколько вопрос «*Что-есть-значение* (слова) «крыса»?» подлинен. И снова мы отвечаем: «идея крысы» и так далее. Насколько забавна данная процедура, можно себе уяснить из следующего примера. Предположим, что здравомыслящий человек, находясь в затруднении, спрашивает меня: «Что является значением (слова) «влажность»?» и получает ответ: «Идея понятия "влажность"» или «Класс чувственных данных, которые соответствуют тому, чтобы можно было сказать: "Влажно"». Скорее всего этот человек сочтет меня слабоумным. Мне же после этого следует сделать вывод, что я предложил ему объяснения не того сорта, которые он от меня ожидал.

Для того чтобы разоблачить этот псевдовопрос, давайте рассмотрим параллельный случай, который пока еще никого не вводил в заблуждение. Предположим, что я спрашиваю: «В чем смысл совершения того-то-и-того-то?» Например, я спрашиваю старого священника Уильяма: «В чем смысл стояния на голове?» или «В чем смысл балансирования угрем на кончике носа?» Получив стандартный ответ, я задаю свой третий вопрос: «В чем смысл совершения *чего-нибудь* — не чего-нибудь в частности, а просто *чего-нибудь?*» Тут он меня, без сомнения, просто столкнет с лестницы. Но кто-то другой, поставив этот же

вопрос и не найдя на него ответа, очень возможно, будет вынужден покончить жизнь самоубийством или обратиться к церкви. (К счастью, на вопрос: «Каково значение слова?» реагируют менее серьезно, ограничиваясь написанием книг.) С другой стороны, более смелый интеллеktуал станет, без всякого сомнения, спрашивать: «В чем смысл-совершения-некоторого-дела?» или: «В чем «смысл» совершения чего-то?», переходя постепенно к вопросам типа: «Что является смыслом-поедания-сала?» и т. п. Таким образом, мы должны будем завести новый универсум сущностей «смысл совершения», не сомневаясь предварительно в их существовании.

Для прояснения ситуации давайте рассмотрим пример, который *отличен* от случая «Что такое значение?». Я могу не только спросить: «Что такое квадратный корень из 4?», но также задать вопрос: «Что такое квадратный корень из числа?», который или абсурден, или эквивалентен вопросу «Что такое «квадратный корень» из числа?» Я могу дать дефиницию «квадратного корня» из числа, а именно: для любого данного числа X «квадратный корень из X » есть определенная дескрипция другого числа Y . Приведенный пример отличается от нашего случая тем, что «значение p » не является определенной дескрипцией какой-либо сущности.

Общий вопрос, который мы хотим задать по поводу «значения» наилучшим образом формулируется так: «Что-есть-значение (фразы) «что-есть-значение (слова) « X »?» *Тип* ответа, который нам следует дать на этот вполне разумный вопрос,— тот самый, с которого я начинал обсуждение. Когда меня спрашивают: «Что-есть-значение (слова) « X »?», я отвечаю, объясняя его синтаксис и демонстрируя его семантику.

Это все должно казаться очевидным, но я хотел бы отметить, что сказанное, однако, легко забывается. Даже те, кто считают, что «понятия», «абстрактные идеи» и т. д. являются фиктивными сущностями, которым мы частично обязаны нашими вопросами по поводу «значения слова», тем не менее думают, будто есть *нечто*, являющееся «значением слова». Так, Хэмпшир¹ подверг критике теорию, согласно которой существует такая вещь, как «значение слова». Он считает ошибочным мнение о том, что есть *единичная* вещь, называемая значением; и если «понятие» на эту роль не подходит, то ни один «образ» не может быть единственным значением общего слова. На основании этого Хэмпшир посчитал, что значением слова в действительности должен быть «класс сходных единичных идей». «Если нас спрашивают: «Что это значит?», то мы указываем (!) класс единичных идей». Но «класс единичных идей» так же является фиктивной сущностью, как «понятие» или «абстрактная идея».

¹ „Ideas, Propositions and Signs“, in the „Proceedings of the Aristotelian Society“, 1939—1940 *.

Сходным образом Ч. У. Моррис (в *Энциклопедии единой науки*) критиковал тех, кто считают «значение» чем-то определенным, тем, что «просто локализовано» где-то. Ошибка, по его мнению, заключается в том, что люди думают о «значении» как о виде сущности, которая может быть полностью описана без указания на общую деятельность «семиозиса»*. Он также сделал несколько непродуманных замечаний по поводу «десигнатума» слова — каждый знак имеет десигнатум, который представляет собой не единичную вещь, а *тип*, или *класс* объектов. Но этот «десигнатум» есть такая же фиктивная сущность, как и «платоновская идея», вводимая из-за той же самой ошибки разыскания «значения (или десигнатума) слова».

Почему же мы склонны незаметно возвращаться назад, на проторенный путь заблуждений? На это есть три главные причины. Во-первых, существует странная уверенность в том, будто все слова являются *именами*, т. е. фактически *собственными именами*. Поэтому они обозначают и указывают тем же самым способом, что и собственные имена. Но точка зрения, признающая, что общие имена «имеют денотат» так же, как его имеют имена собственные, столь же ошибочна, как и точка зрения, признающая, что собственные имена «имеют коннотацию»** так же, как ее имеют общие имена. Во-вторых, мы страдаем более общей болезнью, которая заключается в следующем. Если мы даем анализ определенного предложения, содержащего слово или фразу «X», мы склоняемся к тому, чтобы по результатам нашего анализа выяснить: «Что в этом есть «X»?» Например, мы провели анализ предложения «Государство владеет этой землей» с помощью предложений об отдельных людях, их отношениях и взаимодействиях. Затем мы спрашиваем: «Хорошо, но что во всем этом есть государство?» И могли бы ответить, что государство есть совокупность индивидов, объединенных определенным образом. Или, если мы проанализировали утверждение «Деревья могут существовать невоспринимаемыми» через утверждения о чувственных данных, то не успокоимся до тех пор, пока не скажем, что *нечто «действительно» «существует невоспринимаемым»* — отсюда теории по поводу «сенсбилий»***. В нашем же случае, получив все, что требовалось, а именно: объяснение вопроса «Что-есть-значение «Что-есть-значение (слова) «X»?», мы все еще склоняемся к ошибочному предположению о том, что наше исходное предложение содержит составляющую часть «значение (слова) «X»», чтобы спросить: «Хорошо, но что же есть значение слова «X», в конце концов?» И мы отвечаем: «Класс сходных единичных идей».

Разумеется, мое объяснение мотивов, лежащих за всем этим, может быть только удобной дидактической схемой. Хотя я не думаю, что это так, но я осознаю, что нельзя приписывать другим мотивы, особенно рациональные мотивы. Так или иначе, но я утверждаю, что *нет ни одного* простого и имеющегося под рукой слова, называемого «значением (слова) «X»».

Теперь я перехожу к первому из двух положений, которые нуждаются в тщательном исследовании, если нам больше не навязывается «удобная» фраза «значение слова». То, о чем я здесь буду говорить, не столь ясно, как это должно быть.

Мы постоянно задаем вопрос: «Является ли *У* значением или *частью* значения, или *содержится* в значении *Х* или нет?». Излюбленный способ ответа на данный вопрос — в свою очередь спросить: «Является ли суждение «*Х* есть *У*» аналитическим или синтетическим?» Мы предполагаем, что *У* либо должно быть частью значения *Х*, либо вообще не есть его часть. Тогда если *У* является частью значения *Х*, следует сказать, что суждение «*Х* не есть *У*» будет самопротиворечивым; в то же время если *У* не является частью значения *Х*, то сказать, что «*Х* не есть *У*», можно без всяких затруднений — такое положение дел будет легко «понятным». Кажется, что все сказанное должно быть чистейшим здравым смыслом. Это и *было бы* чистейшим здравым смыслом, если бы «значение» было вещью в самом обычном смысле, которая сама состоит из частей. Но оно таковой *не является*. К сожалению, многие философы, которые знают, что «значение» не является вещью, говорят так, как будто *У* должно быть или не быть «частью значения» *Х*. Суть дела заключается в следующем: *если* «объяснение значения слова» и в самом деле есть особый вид деятельности и *если* нет ничего, что действительно следует называть «значением слова», *тогда* фразы типа «часть значения слова *Х*», как и «левое, висящее в воздухе», являются полностью неопределенными — мы просто не понимаем, что это значит вообще. *Мы используем рабочую модель, не соответствующую фактам, о которых мы действительно хотим говорить.* Когда же мы рассмотрим именно то, о чем хотим говорить, а не рабочую модель, встанет вопрос о том, что вообще подразумевается под тем, что суждение является или «аналитическим», или «синтетическим». Этого мы просто не знаем. Конечно, мы чувствуем склонность сказать: «Можно легко привести примеры аналитических и синтетических суждений: «Быть профессором *не* является частью значения быть человеком» и т. д.; «*А* есть *А* является аналитическим (суждением)». Все это так, но от нас ведь требуют *общую дефиницию* того, что мы подразумеваем под «аналитическим» и «синтетическим». Если же мы лишь собираемся подтвердить нашу *догму* о том, будто *каждое* суждение является либо аналитическим, либо синтетическим, то обнаруживаем, что не способны прибегать к помощи чего бы то ни было, *за исключением нашей рабочей модели.* С самого начала ясно, что с помощью этой модели не удастся провести различие между синтаксисом и семантикой. Например, говорить о противоречивости каждого предложения (т. е. является ли оно самопротиворечивым или нет), значит говорить, будто все предложения, которые нам запрещается вы-

сказывать, нарушают *синтаксические* правила и могут быть редуцированы к буквальным самопротиворечиям. Но при этом упускаются из виду семантические соображения, что, к сожалению, свойственно философам. Давайте рассмотрим два случая в отношении вещей, о которых просто ничего *нельзя сказать*, хотя они и не являются «самопротиворечивыми», и мы не склонны говорить, что имеем «синтетическое априорное» знание их противоречивости (в чем многие, разумеется, были бы заинтересованы).

Начнем со случая, который, будучи отнесен скорее к *предложениям*, чем к *словам*, не совсем соответствует теме разговора, зато сможет нас воодушевить. Возьмем хорошо известное высказывание «Кошка на коврике, но я этому не верю»*. Оно кажется абсурдным. С другой стороны, «Кошка на коврике, и я этому верю» кажется тривиальным. Если мы применим традиционную дихотомию и скажем, что *либо* высказывание *p* предполагает высказывание *r*, *либо* *p* совместимо с не-*r*, то по отношению к нашему примеру можно сказать, что «кошка на коврике» *предполагает* «и я этому верю», из чего следует тривиальность добавления «и я этому верю», а также абсурдность добавления «но я этому не верю». Конечно, «кошка на коврике» *не* предполагает того, что «Остин верит, что кошка на коврике» или что «говорящий верит, что кошка на коврике», поскольку говорящий может лгать. На самом деле не *p*, а *утверждение r* предполагает: «Я (тот, кто утверждает *p*) верю, что *p*». «Предполагает» здесь должно быть дано в специальном смысле, так как суть не в том, что «Я утверждаю *p*» предполагает (в обычном смысле) «Я верю, что *p*», поскольку я могу лгать. Смысл здесь тот же, что и при задавании вопроса, когда я «подразумеваю», что не знаю на него ответа. Утверждая *p*, я *даю понять*, что верю, что *p*.

Основание того, почему я не могу сказать «Кошка на коврике, но я этому не верю», заключается не в нарушении синтаксиса, не в том, что это предложение «самопротиворечиво». Скорее, какая-то семантическая конвенция (конечно, имплицитная) по поводу ситуативного использования слов препятствует высказыванию этого предложения. Но что это такое, еще следует выяснить. Давайте отметим одну важную особенность. Принимая во внимание, что «*p*, и я этому верю» является чем-то тривиальным, а «*p*, но я этому не верю» — бессмысленным, третье предложение «*p*, но я *мог бы* этому не поверить» вполне имеет смысл. Давайте обозначим эти три предложения *Q*, не-*Q*, «может быть, не *Q*». То, что препятствует нам говорить, что «*p*» предполагает «я верю, что *p*» в обычном смысле слова «предполагает», демонстрируется следующим фактом: хотя не-*Q* (*каким-либо* образом) абсурдно, «может быть, не *Q*» отнюдь не является абсурдом. Но в обычных случаях предполагания не только не-*Q* абсурдно, но и «может быть, не *Q*» *тоже* абсурдно. Например, «треугольники являются фигурами и треугольники

не имеют формы» не более абсурдно, чем «треугольники являются фигурами и треугольники могут не иметь формы». Рассмотрение высказывания «может быть, не Q » дает возможность определить, в *обычном ли* смысле p «предполагает» r или только в специальном смысле слова «предполагать».

Зафиксировав все это, давайте теперь рассмотрим предложение, которое, на мой взгляд, не может классифицироваться *или* как «аналитическое», *или* как «синтетическое». Я имею в виду предложение «Этот X существует», где X есть нечто ощущаемое, например, «Этот шум существует». При попытке классифицировать его одни могли бы указать на тривиальность предложения «Этот шум существует» и на абсурдность предложения «Этот шум не существует». Следовательно, можно было бы сказать, что *существование* есть «часть значения» (слова) *этот*. Другие бы отметили, что предложение «Этот шум мог бы не существовать» обладает смыслом. Но тогда *существование* не может быть «частью значения» (слова) *этот*.

Обе стороны, как мы сейчас имеем возможность видеть, корректны в своих *аргументах*, но некорректны в своих *выводах*. Истинным же, как представляется, должно быть то, что *использование слова «этот»* (но не само слово «этот») *позволяет понять*, что чувственные данные указывают на «существование».

Исторически, вероятно, приведенный факт по поводу трех предложений: «Этот шум существует», «Этот шум не существует» и «Этот шум мог бы не существовать» был выделен еще до того, как философы заявили, что предложение «Этот шум существует» должно быть либо аналитическим, либо синтетическим. Многие философы *тревожились* по поводу этого факта, предполагая, что предложения *должны* быть теми или другими, и с болью осознавали трудности выбора. Я считаю, что рассмотрение аналогий между этим и другими случаями освободит нас от пугала классификации, в основе которой лежит предположение о том, будто все предложения должны быть *либо* аналитическими, *либо* синтетическими. Это придаст нам смелости рассуждать о фактах во всей их действительной сложности. (По крайней мере, это должно привести к пересмотру «Цезарь лыс» и похожих высказываний. Но я не могу здесь в это углубляться.)

Однако мы пока едва только приступили к серьезным рассуждениям. Мы только почувствовали первоначальный трепет, обычно испытываемый, когда прочные основания предубеждения начинают уходить из-под ног. Вероятно, существуют другие случаи, когда нет возможности сказать, не впадая в заблуждения, является ли U «частью значения» X или не является.

Давайте рассмотрим фразы «Считается мною хорошим» и «Мною одобрен». Должны ли мы здесь спешить с дихотомией: *либо* «было мною одобрено» *есть* часть значения «считалось мною хорошим», *либо* нет? Является ли предложение «Я считаю X хорошим, но я не одобряю X » самопротиворечивым? Ко-

нечно, *вербально* оно не самопротиворечиво. «Реальную» же его самопротиворечивость будет сложно установить. Мы, разумеется, можем полагать, что оно должно быть либо тем, либо иным, «только трудно решить, каким», или же что «это зависит от того, как мы используем слова». Но те ли это реальные трудности, которые преследуют нас? Конечно, *если бы* было установлено, что каждое предложение *должно* быть либо аналитическим, либо синтетическим, тогда трудности должны быть таковы. Но дело в том, что это не было установлено, нет даже объяснения того, что именно эта дистинкция подразумевает, поскольку она задается исключительно через указание на нашу убогую рабочую модель. «Я считаю, что *X* хороший, но я не одобряю его» может не быть ни самопротиворечивым, ни «совершенно осмысленным» (подобно тому как «Я считаю, что *X* восхитительный, но я не одобряю *X*» является «совершенно осмысленным»).

Вероятно, этот пример все же не поставил вас в неловкое положение. Нельзя ожидать, что приводимые примеры равно понравятся всем. Давайте приведем некоторые другие примеры. Является ли суждение «То, что является добром, должно существовать» аналитическим или синтетическим? Согласно теории Мура, оно является «синтетическим», к тому же в «Принципах этики» он полагает его истинность как нечто само собой разумеющееся. Но это как раз иллюстрирует один из главных недостатков акцентирования того, что предложение обязательно *должно* быть либо синтетическим, либо аналитическим: упускаются некоторые общие предложения, которые определенно не являются аналитическими, но которые трудно понимать как ложные, другими словами, речь идет о «синтетическом *априорном* знании». Рассмотрим предложение, имеющее дурную славу: «Розовый больше подобен красному, чем черному». Было бы опрометчивым считать, что здесь мы имеем «синтетическое *априорное* знание» на том лишь основании, что «быть скорее красным, чем черным» не является «частью значения» или «частью определения» «розового» и что «непостижимо», что розовый должен быть более подобен черному, чем красному. Даже если это и так, т. е. данные фразы вообще имеют ясное значение, все же остается вопрос: имеем ли мы здесь «синтетическое» *априорное* знание?

Рассмотрим несколько примеров из Беркли. Является ли *протяженное* «частью значения» *окрашенного* или *оформленного*, или же *оформленное* есть «часть значения» *протяженного*? Будет ли «*est sed non percipitur*» * самопротиворечивым, если говорить о чувственных данных, или нет? И не указывает ли наша обеспокоенность на возможность упрощенного понимания всего этого?

Ясно высказаться о том, какие же имеются возможности, я в настоящее время не могу. (1) Очевидно, что мы должны отбросить старую рабочую модель, поскольку принимаем во вни-

мание существование различия между синтаксисом и семантикой. (2) Но также очевидно, что наша *новая* рабочая модель, т. е. предполагаемый «идеальный» язык, во многих отношениях является самой неадекватной моделью любого *действительного* языка: аккуратное разделение синтаксиса и семантики, эксплицитно сформулированные правила и конвенции, точное определение границ их применения — все это вводит в заблуждения. *Действительный* язык содержит немного, если вообще содержит, эксплицитных конвенций, и в нем вообще нет резких границ между сферами действия правил, между синтаксическим и семантическим. (3) В конце концов заметно наличие трудностей, связанных с нашим воображением, с его особой зависимостью от слов.

Дабы укрепить наше убеждение, что эти рассуждения могут послужить ликвидации самой дистинкции «аналитическое или синтетическое», давайте рассмотрим сходный и более близкий случай. Разве не очевидно, что любое высказывание должно предполагать нечто противоречащее ему? Тем не менее оказывается, что это не так. Предположим, что я в течение четырех лет жил в гармонии и дружбе со сварливой женой, а затем происходит скандал. Возможно, мы спрашиваем себя: «Это действительно сварливая жена или это *не* сварливая жена? Это либо так, либо не так, но мы не можем быть уверены, как именно». Но *ни* «это действительно сварливая жена», *ни* «в действительности это не сварливая жена» не соответствуют фактам семантически, поскольку предназначены для других ситуаций. Вы не можете сказать, что в первом имеется в виду то, что связано со скандалом, а во втором — то, что вело себя подобным образом в течение четырех лет. Сходные трудности существуют по поводу выбора между фразами «это галлюцинация» и «это не галлюцинация». Здравомыслящий человек обращается в таких случаях к Ватсону со словами: «А что бы вы *сказали*? Как бы вы *описали* это?» Трудность заключается именно в том, что вообще невозможны короткие описания, которые бы не вводили в заблуждение. Единственное, что можно без труда сделать, это представить описание фактов со всеми подробностями. Обычный язык ломается в экстраординарных случаях. (В таких случаях причина поломки является семантической.) А вот *идеальный* язык, без сомнения, не будет *ломаться*, что бы ни случилось. Например, в физике, где наш язык лаконичен для того, чтобы точно описывать сложные и необычные случаи, мы лингвистически готовы к худшему. В обычном же языке мы к этому не готовы, и слова обманывают нас. Поэтому если мы говорим, будто наш язык подобен идеальному языку, мы искажаем факты.

Рассмотрим теперь фразы «быть протяженным» и «быть оформленным». В обычной жизни мы никогда не попадаем в ситуации, для которых мы были бы обучены говорить, что нечто является протяженным, но не имеет формы, и наоборот. Все мы

обучены использовать эти слова только в тех случаях, в которых корректно использовать их вместе. Предположим, однако, что кто-то говорит: «*X* протяженно, но не оформлено». Мы не можем понять, что это «могло бы значить», поскольку вообще нет никакой семантической конвенции, эксплицитной или имплицитной, покрывающей этот случай. Тем не менее так говорить все же не запрещено, поскольку нет ограничивающих правил по поводу того, что мы можем или не можем говорить в *экстраординарных случаях*. И это не *просто* сложность представления экстраординарных случаев, которые доставляют нам беспокойство. И вот еще что. Мы можем описывать то, что воображаем, только с помощью слов, описывающих и вызывающих в памяти самые обычные ситуации, которые мы пытаемся выбросить из головы. Конечно, обычный язык *зашоривает* и без того слабое наше воображение. Могут возникнуть сложности, например, если я скажу: «Способен ли я помыслить случай, когда человек не находится ни в доме, ни вне дома?» Это связано с тем, что я предполагаю обычную ситуацию, когда спрашиваю: «Он дома?» и получаю ответ: «Нет», если человека действительно нет дома. Но допустим, что я представляю себе ситуацию, когда спрашиваю о человеке сразу же после того, как он умер. Тут я тоже понимаю всю несуразность вопроса. Поэтому в нашем положении единственное, что нужно делать, это вообразить или испытать все виды необычных ситуаций, а затем обратиться к самому себе и спросить: «А теперь буду ли я говорить, что протяженное должно быть оформленным?» В необычных ситуациях могут потребоваться новые идиомы.

В заключение данного раздела я должен сказать, что с учетом того внимания, которое мы уделяем фактам *действительного* языка, т. е. тому, что мы можем или не можем говорить — и почему, вырисовывается и иной аспект. Хотя и не стоит заставлять действительный язык согласовываться с некоторыми заранее сформулированными моделями, также не стоит успокаиваться в случае обнаружения фактов «повседневного использования» языка, как будто больше нет ничего, что следовало бы обсуждать и открывать. Разумеется, может случиться и случается много такого, что потребует создания нового и лучшего языка описания. И философы часто только этим и занимаются, когда искаженно употребляют слова, что отнюдь не придает им смысла в соответствии с «обыденным употреблением». Возможны самые необычные факты, даже касающиеся нашего повседневного опыта, которые не фиксируют обыкновенные люди и их язык.

III

Последний и, пожалуй, наименее важный пункт, который я хотел бы обсудить, заключается в следующем. Мне кажется, что гораздо больше *пристального* внимания должно быть уделено знаменитому вопросу, постановка которого породила и до

сих пор продолжает порождать множество ошибочных теорий, а именно: «Почему мы называем различные вещи одним и тем же именем?». В ответ на этот вопрос одни изобретательные в языке люди придумали теории «универсалий» и тому подобного, т. е. некоторых существующих сущностей, «имя» которых есть имя. Другие («номиналисты») дают более осмотрительный ответ; основание для того чтобы называть различные вещи одним и тем же именем, заключается в том, что они являются *сходными*, хотя в них и нет ничего *тождественного*. Правда, данный ответ неадекватен во многих отношениях: он не направлен против путаной формы самого вопроса и не проясняет слово «сходный». Но сейчас мое возражение против номинализма скорее таково: *в конце концов не является истинным* то, что все вещи, которые я называю одним и тем же (общим) именем, оказываются «сходными» в самом обычном смысле этого, зачастую искажаемого слова.

Очень странно, что «номиналисты» остаются удовлетворенными своим ответом. Если бы они обратились к фактам, достаточно интересным самим по себе, то без труда выдвинули бы более серьезные возражения против своих оппонентов. Поскольку пока они говорят о *сходстве* вещей, остается возможность сказать: «Ах да, сходные в *определенном отношении*, но это ведь может быть объяснено только с помощью универсалий» (возможны и другие названия для этого патентованного лекарства). Можно также настаивать на том, что сходство «интеллигибельно» только как частичное *тождество* и т. д. Даже те, кто полностью не убежден в правоте одной из сторон, полагают, что языки «тождества» или «сходства» являются альтернативами, выбор между которыми для нас безразличен. Однако если станет очевидным, что мы часто «называем различные вещи одним и тем же именем» по «хорошим основаниям»², когда вещи не являются «сходными» в обычном значении этого слова, то станет чрезмерно затруднительно настаивать на том, будто «тождественное» наличествует в каждой вещи. А это приведет к тому, что вся позиция будет отвергнута, в чем номиналист реально заинтересован, хотя мы и не надеемся излечить тех безнадежных больных, которые уже достигли третьей стадии универсалий.

Оставляя в стороне исторические диспуты, мы обратимся к поиску хороших оснований, по которым «мы называем различные вещи»³ одним и тем же именем». Этим увлекательным вопросом, насколько я знаю, обычно пренебрегают как филологи, так и философы. Он лежит в ничейном пространстве между двумя школами, а развивать его в доктрину до конца было бы сложным и утомительным занятием, хотя в то же время и очень полезным. Проблема требует изучения *действительного*, а не

² Разумеется, мы тут не интересуемся простой игрой слов.

³ Точнее, виды вещей, а не отдельные вещи.

идеального языка. В то, что польские семантики * обсуждали такие вопросы, я не верю. Аристотель обращался к этим вопросам, но отрывочно и недостаточно строго.

Я буду просто перечислять наиболее очевидные основания для случаев «называния различных видов вещей одним и тем же именем», которые не следует сразу же отвергать как «сходства». Я приведу также рассуждения о фактах, предостерегающих нас от ошибок, которые постоянно возникают в философии

1. Очень простым случаем является тот, на который часто указывал Аристотель: прилагательное «здоровый», когда я говорю о здоровом теле, о здоровом цвете лица, о здоровых физических занятиях. Это слово *не* просто используется *двусмысленно*: Аристотель сказал бы, что оно используется «паронимически»⁴. Здесь есть нечто, что я называю *первичным смысловым ядром*, т. е. смысл, в котором это слово «здоровый» используется применительно к здоровому телу. Я называю это *ядром*, потому что оно «содержится как часть в двух других смыслах», которые могут быть установлены как «производные от здорового тела» и «вытекающие из здорового тела». Об этом простом и понятном случае постоянно забывают, когда начинают обсуждать вопрос о том, *имеет* ли определенное слово «два смысла» или не имеет таковых. Я напоминаю собственные рассуждения о том, имеет ли два смысла слово «существовать» (применительно к материальным объектам и к чувственным данным) или же оно имеет только один смысл. Действительно, мы согласились, что слово «существовать» используется «паронимически», но в отличие от Аристотеля, я не утверждаю, что оно имеет «два смысла». Статья Причарда⁵ о понятии AGATON у Аристотеля содержит классический пример неправильного понимания паронимии, и этим обусловлено его беспокойство по поводу того, действительно ли слово «имеет всегда одно и то же значение» или «имеет несколько различных значений».

Должны ли мы теперь довольствоваться утверждением, что занятие, цвет лица и тело называются «здоровыми» лишь потому, что они «сходные»? Подобное замечание не может не вести к заблуждению. Почему так происходит? И почему бы не обратить внимание на важные и реальные факты?

2. Следующий случай связан с тем, что Аристотель называл «аналогичными терминами». Когда $A : B :: X : Y$, тогда A и X часто называются одним и тем же именем, например подножие (foot) горы и нижняя часть списка (foot). Существуют хорошие основания для именования того и другого этим словом, но можем ли мы сказать, что они являются «сходными»? Во всяком случае, нет — в обычном смысле. Мы можем сказать, что отношения, в которых они стоят к B и Y , соответственно суть сход-

⁴ Разумеется, встречаются и иные виды паронимии **.

⁵ «Понятие AGATON в этике Аристотеля»; эта статья Г. А. Причарда перепечатана в его книге «Моральное обязательство», Оксфорд, 1949 ***.

ные отношения. Хорошо, но ведь *A* и *X* не являются отношениями, в которых они находятся, и тот, кто называет *A* и *X* указанным словом, обращая внимание на их «сходство», будет заблуждаться. Во всяком случае необходимо помнить, что «сходство» скрывает такую возможность. (Особенно серьезные случаи «аналогий» возникают, если термин использован, как утверждает Аристотель, «в различных категориях». Например, когда говорится об изменении как о качественном изменении, изменении позиции, места и т. д., то настолько далеким от истины будем считать, что «изменения» «сходны».)

3. Другой случай имеет место, когда я называю *B* тем же самым именем, что и *A*, потому что он похож на *A*; *C* называю тем же самым именем, что и *B*, потому что он похож на *B*; *D* называю тем же самым именем, что и *C*, потому что он похож на *C*, и т. д. Но в конце концов окажется, что *A* и *D* совершенно непохожи друг на друга в любом обычном смысле. Это очень распространенный случай, и опасность очевидна, когда мы начинаем отыскивать нечто «тождественное» *.

4. Следующий случай такой. Возьмем слово типа «фашист». Исходно оно указывает на большое количество признаков, скажем на *X*, *У* и *Z*. Как мы будем использовать слово «фашист» применительно к тому, кто обладает только одной из перечисленных характеристик? Те, кого именуют «фашистами» в этих смыслах, которые мы будем называть «неполными смыслами», могут вообще не быть «сходными» друг с другом. Это затруднение более всего заботит нас тогда, когда исходный «полный» смысл оказывается забытым. Сравните различные значения слова «цинизм». Будет непросто отыскать здесь «сходства». Иногда «неполнота» сходства соединяется с явным отсутствием сходства, так что приходится изобретать особую фразу, предупреждающую об этом, например «корыстная любовь».

5. Другой хорошо известный случай связан с определяющим и определяемым: цвет и красный, зеленый, голубой и т. д. Так как этот случай хорошо известен, я не буду его обсуждать, хотя скептически отношусь к обычно предлагаемому объяснению. Вместо этого хочу указать на широкую распространенность данного вида взаимоотношений; следует с подозрением относиться к тем случаям, где мы его обнаруживаем. Характерным примером является «удовольствие». Мы можем сказать, что удовольствия не только похожи друг на друга в том, что они приятны, но также различаются тем же способом, каким они приятны⁶. Не может быть большей ошибки, чем гедонистическая ошибка (впрочем, воспроизведенная негедонистами), будто удовольствие всегда является одним сходным чувством, которое изолировано от приводящей к его возникновению деятельности.

⁶ Если мы скажем, что они называются «удовольствием», поскольку «они сходны», то мы упустим этот факт.

6. Следующий случай часто приводит в замешательство. Он связан с такими словами, как «молодость» и «любовь», которые иногда означают любимый объект или того, кто молод, а иногда страсть «любовь» и качество (?) «молодость». Эти случаи, конечно, легкие, но предположим, что мы взяли существительное «исгина». В таком случае разногласия между теоретиками в большой мере зависят от того, интерпретируют ли они это слово как название субстанции, качества или отношения.

7. В заключение я хочу рассмотреть особенно интересный вид случаев, которые, вероятно, являются причиной путаницы больше, чем мы это осознаем. Обсудим смысл, в котором я говорю о крикетной бите, крикетном мяче и крикетном судье. Основание для использования одного и того же имени, возможно, заключается в том, что все они играют специальную роль в деятельности, называемой игрой в крикет. Но не следует говорить, что «крикетный» означает просто «использованный в крикете», поскольку мы можем понять, что мы подразумеваем под крикетом, только объясняя функции биты, мяча и т. д. Аристотель утверждал, что слово «добро» может быть использовано только подобным способом. Очевидно, что мы легко можем сбиться с пути, по которому нам следует идти, если будем искать «дефиницию» слова «добро» в обычном смысле или будем искать то, как «добрые» вещи являются «сходными» одна с другой. Если же мы попытаемся выяснить с помощью такого метода, что означает «крикет», то нам придется считать, что это неанализируемое сверхчувственное качество.

На основании этих примеров становится очевидным, что дистинкция здравого смысла между «Что есть значение слова X?» и «Какие единичные вещи есть X и до какой степени они таковы?» ни в коем случае не имеет универсального применения. Эти вопросы не могут быть различены. Если рассматривается некоторое слово, например «гольф», то нет смысла спрашивать: «Что есть значение гольфа?», «Что за вещь есть гольф?» Хотя *есть* смысл спрашивать о том, какие компоненты деятельности составляют гольф, какие принадлежности (клюшки и пр.) используются в гольфе и какими способами. Аристотель считал, что «счастье» есть слово такого же вида. Очевидно, мы сильно сбились с пути, если пытаемся объяснить его, как если бы это было слово наподобие «белизны».

Этих суммарно рассмотренных примеров достаточно для того, чтобы показать, насколько важно иметь доскональное знание различных оснований, по которым различные вещи называются одним и тем же именем. Если мы поспешим с определениями, подобно Платону или многим другим философам, если мы используем жесткую дихотомию «одно и то же значение — различные значения» или «что X означает» как отличное от «вещей, которые есть X», то будем просто создавать путаницу. Вероятно, кто-то сейчас обсуждает эти вопросы серьезно. Все, что может быть найдено в традиционной логике, — это указание

на «аналогичные слова», которые часто используются для того, чтобы свалить в одну кучу случаи, когда слова не имеют ни одного и того же значения, ни нескольких различных значений. Все, на что способны теоретики «сходств», это заявлять, что вещи, называемые одним и тем же именем, должны быть сходными до некоторой степени, что *очевидно* неверно. Каждый, кто захочет увидеть сложность проблемы, должен только найти в хорошем словаре такое слово, как «голова»: различные значения этого слова будут здесь соотнесены друг с другом многими способами.

Итак, я хочу суммировать содержание этой статьи. Во-первых, фраза «значение слова» является сомнительной фразой. Во-вторых, требуется перепроверка фраз, подобных тем двум, которые я обсудил: «быть частью значения» и «иметь одно и то же значение». Здесь догматиков потребуется подтолкнуть, хотя история показывает, что иногда лучше не тревожить их сон.